

Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Николай НИКОЛАЕВСКИЙ

И жизнь до дьявола света

СТИХИ

Составитель – Николай Калашников

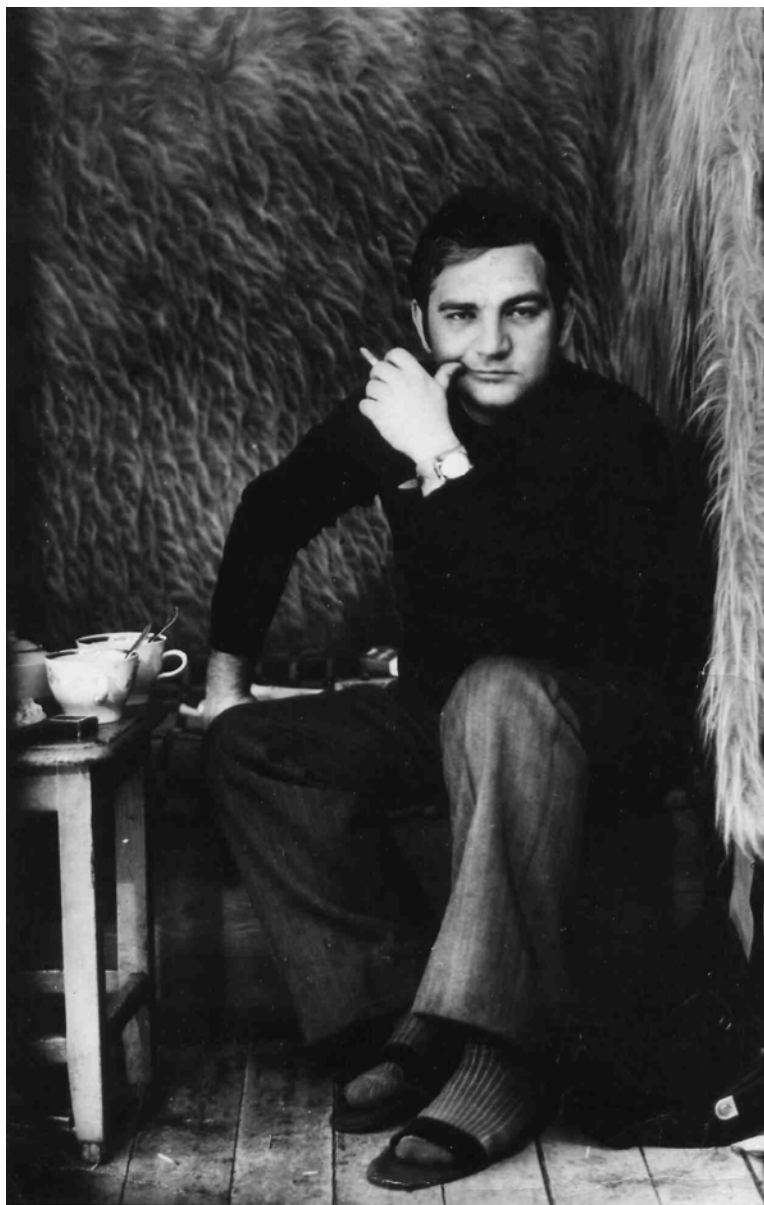
Новокузнецк
2016

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Н 63

НИКОЛАЕВСКИЙ Николай Михайлович

И жизнь до дьявола светла : стихи / Николай Николаевский / составитель – Николай Калашников ; Центральная городская библиотека им. Н. В. Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2015. – 80 с. : ил., фото.

@ Николай Николаевский
На первой странице обложки –
рисунок Софьи Бестужевой (Москва)
«Одиночество в большом городе»

Николаевский Николай Михайлович
(19 марта 1949 – 20 мая 1998)

От составителя

С Колей Николаевским я познакомился десятиклассником. Коля, тогда студент литфака педагогического института, вёл в нашей школе поэтический кружок для старшеклассников, или, как теперь модно выражаться, литературную студию. Многому я тогда научился у Николая, чем теперь с удовольствием пользуюсь в работе на своём клубе. Но Коля был, по-видимому, хорошим педагогом. Он смог меня научить главному. Я именно тогда понял, что таланта поэта у меня нет, а графоманом я быть не хочу. Боюсь, что не каждый взрослый педагог (а Коля был всего лишь студентом второго, насколько я помню, курса) сможет научить именно этому. И я очень благодарен Коле именно за это.

Тогда же я познакомился и с его стихами. Для меня, до этого знающего только классическую (и, так сказать, – программную) поэзию, было достаточным открытием, что вот рядом с нами живут поэты – и хорошие поэты. Позднее по мере взросления я познакомился и другими поэтами, живущими в Новокузнецке, с творчеством поэтов, живущих в области, но стихи Николаевского для меня всегда были интересны и злободневны. Сорок лет назад я переписал себе в тетрадку его стихотворение «Каких событий отголоски...» Там был ещё первоначальный вариант этого стихотворения. В своём первом сборнике «Трудный день» он чуть подправил пару строчек в последнем четверостишии, и стихотворение зазвучало совсем оптимистически:

Окно открою в мир тревожный,
Я твёрдо знаю, чья взяла...
Рассвет встаёт, горит безбожно,
И жизнь до дьявола светла.

Тетрадка, к сожалению, давно потерялась, но я его с тех самых пор помню наизусть. К сожалению, в этой тетрадке были и другие стихи Коли, в том числе и поэма о Ван Гоге, которая нигде не публиковалась. Во всяком случае, мне её не удалось найти. А жаль, я бы обязательно вставил её в этот сборник.

Ещё в 2004 году журналист Владимир Валиулин в отклике на сборник «Писатели Новокузнецка» писал: «В 49 лет ушёл и Николай Николаевский, самый, наверное, непонятный и непонятый новокузнецкий поэт. Нежный лирик, изысканный сочинитель, он много лет работал в строительной многотиражке, писал про железобетонные конструкции и пафос новостроек. Как удавалось ему сохранять в жестоком ритме стройки поэтическое восприятие, Бог весть. Может быть, потому и ушёл так рано, что был дитя иной эпохи?»

Я бы не согласился с Володей, что Николаевский – самый непонятный поэт (лирика Коли, прозрачна и ясна – при всей метафоричности и образности, при всей смысловой напряжённости его поэзии), а вот самый непонятый – скорее всего, да.

А совсем недавно я выяснил, что Николая Николаевского и его творчество у нас в городе помнят... да в принципе, не то что не помнят – не знают. Нет, старшее поколение, которое лично знало Колю, конечно, помнит. А вот помоложе... Увы – нет. Я иногда читаю в кругу друзей стихотворение «Каких событий отголоски...» Недавно на моё лёгкое недоумение, что они не знают этого поэта, один мой младший товарищ (сам активный человек, преподаватель вуза и уже, на мой взгляд, интересный писатель) мне ответил: «А где бы я мог его почитать, чтобы хоть узнать о нём?» Сначала такая постановка вопроса поставила меня в ступор, но потом я понял: а ведь правда – где? Сборники Николая Николаевского давно стали библиографической редкостью. Даже в библиотеке – только в хранилище.

Будем считать, что этот сборник – пусть слабая, но попытка исправить такое положение. И моя благодарность человеку, когда-то повлиявшему на меня, в чём-то меня сформировавшего.

Каких событий отголоски,
Но так ведётся испокон:
Мы говорим – умён чертовски,
Не скажем – божески умён.
Что бог? Он чопорный и чёрствый,
Он жаждет жертв, крестов, икон.
Правдоискатель звался чёртом
И в чёрный список был внесён.
Во мгле веков, свой чуб ероша,
Простак провидчески постиг:
Богач и ябедник – святоша,
А друг хороший – еретик.
А сколько лет внушали черни:
Как против бога устоишь?
Но шла борьба.
Ещё Коперник
Повысил дьявольский престиж.
Окно открою в мир тревожный.
Я твёрдо знаю, чья взяла...
Встаёт рассвет, горит безбожно,
И жизнь до дьявола светла.

Дышать и видеть через трубочки дорог,
И чувствовать озябшей кожей листьев.
Мир принял нас. Мы не открыли истин,
Но сделали зарубку поперёк...

**Монолог лётчика,
бомбившего Хиросиму**

Я выжил из ума.
Спуститься ниже?
Моя душа – тюрьма.
Я болью сердце выжег.
Все умерли – я выжил.
Я выжил из ума.

Мне восемнадцать. Лёгкий пыл.
Ночные смены я любил.
Был воздух огненный, когда
Ложился первый груз на плечи.
Вся прямота и просторечье
Крутого, умного труда.
Бывало, сильно уставал,
Но на горячем не обжёгся.
Искал работу. Запах кокса
Приятно нервы щекотал.
Дымился кокс. Тот терпкий дух
Напомнит будни коксохима.
Смешенье красок, газа, дыма.
Он для меня, как давний друг.
Хотя из юности ушли мы,
Гори во мне, ночная смена,
Шуми со мной, братва моя.
Всё было так обыкновенно.
Но переходит неизменно
Со мной туда, куда и я.
И запах тот, как кровь по венам.

Утренние птицы

Лишь только дождь прошёл,
Лес начал говорить.
Я слышу «щёлк» да «щёлк»,
Я слышу «фьють» да «фьють».
О чём они поют,
Скрываясь где-то в листьях?
Как будто воздух пьют
И звук частят и чистят,
Приветствуя восход,
Шалея в волнах света.
В них солнышко поёт –
Я ощущаю это.
Секунда – вспышка дня!
И – зелени обвалы.
И всё, что ждёт меня, –
Светло и небывало.

Совершеннолетний дождик!
Совершенно летний дождик?
Он начинает свой рассказ
Наивный, шумный и летящий
И музыкально всё на час –
– Труба, окно, почтовый ящик.
Как этот дождик удивителен,
Сказавший первый раз «люблю»,
А я завидующим зрителем
Молчу, под зонтиком стою.
Ищу я смысл в словах неточных.
Мне очень трудно без него.
Мой дождик, мой первоисточник,
Застенчивость и волшебство.

И листьев печальная прелесть,
И сад заколдованно пуст.
Я знаю, осенняя прелесть
Яснее на ощупь, как пульс.
Спокойны, хотя и смешались
Деревья, дожди и цвета,
Внезапного ветра шершавость
И зябкая влажность куста.
На сердце светло, хоть немного
Нам выпало радостных дней.
Но стала ручной тревога,
Коснувшись больших тополей.
Ни разу так чисто и щедро
Глазам не светила любовь.
...А птицы на небе, как титры
Зимы неожиданной вновь.

Вечер

Ощущенье, как на старте.
Прокатитесь, кто за мной?
На заснеженном асфальте
По дорожке ледяной!
Вечер, снег, горит реклама,
А дорожка – первый сорт.
Оттолкнёшься, встанешь прямо
И несёт тебя, несёт.
Ближе мир, теплей дыханье
И надежды свет большой
В этой радости случайной,
В этой малости живой.
Как сменяются мгновенно
На тропинке ледяной
Инженер, студент, военный,
Старичок и мы с тобой.
Дед Мороз оставил мету
И ушёл, укрывшись в снег.
...Поутру дорожку эту
Не заметит человек.

Звенит извиненье, как первый ледок.
А кто виноват, не понять между строк.
Немного ещё – и остались друзьями...
Слова – как трава, невозможно словами.
И страшно вдвоём позабыто молчать,
И страшно одно только слово сказать.

Я услышал тихий звук,
Это стук, конечно стук.
Тополь в комнате качался
Тенью полною листвы.
Кто в окошко постучался?
То ли тополь,
То ли голубь,
Может, ветер,
Может,
Ты.

О счастье можно толковать
Хоть до рассвета.
Окончим спор и лучше спать...
А счастье где-то.
Спешишь, по лицам ты скользишь
Тревожным взглядом.
Ищи, держи, а то проспишь...
А счастье рядом.
Ты весь в общении с людьми.
 Ты – высшей пробы.
А счастье, вот оно, возьми...
 Попробуй.
Большая должность. Дом, уют.
 Орлом монета.
 Тебя повсюду узнают.
А счастье... где-то.

Песенка для гостей

Хорошо и неожиданно запела
Первой веточки зелёная струна.

Отбелело,
Отмело,
Отледенело,
Отболело...

И нахлынула весна.

Как с друзьями мы встречаемся несмело,
Успокоясь, мол, успеется всегда.

Отлюбилось,
Отошло,
Отголубело,
Отболело...

Нет попутного следа.

Почему до самой точки, до предела
Бережём мы нашей нежности зерно?

Отгорело,
Отцвело,
Отзолотело,
Отболело...

А на улице темно.

По-иному поднимитесь утром белым,
Только пусть вас не обманет тишина.

Повелело,
Повело,
Помолодело,
Наболело...

Первой веточки струна.

Наоборот

Человек себя ведёт
Иногда наоборот:
Шутит, если не до шуток,
Надо ждать, а он берёт
Свой предельный оборот.
Полюбили – он печален,
Разлюбили – он цветёт.
По уму людей встречает
И советов не даёт.
Жизнь подчас наоборот.
Не боюсь, что эти строчки
Вас в смущенье приведут.
В их лукавой оболочке
Небольшой, нестрашный суд
Лишь на несколько минут.
В той игре наоборотной
Только тот дышал свободно,
Кто себе не лгал, завидя
Жирный выгоды кусок,
Был беспомощно высок
И всесильно беззащитен.

Смешной

В стороне захолустной,
В стороне ли иной
Не становится грустно,
Если рядом смешной.
Тихий ли, выпивоха,
Неприменно мастак:
Что ни сделает – плохо,
Что ни скажет – не так.
– Ох, потешный портняжка,
Со слезинкой лучок.
Улыбнётся протяжно:
– Вы, ребята, о чём?
В городах он колхозник,
Горожанин в селе.
Хочет, чтоб посерьёзней...
А выходит – смешней.
Кто он? Шут поневоле
Иль умом недалёк?
Полно! В этакой роли
Были все хоть часок.
За ушедшим вагоном бежали,
Суетясь и нелепо крича,
И насмешницу юную ждали
На виду у знакомых торча.

Среди ловких и сильных
Должен быть одинок
Нескончаемо синий
Дурачок-василёк.
С ним полдня потеряешь,
Память, деньги, ключи.
Без него заскучаешь,
Без него закричишь:
– Эй вы, люди из олова,
Из стекла и бетона,
Не видали ли олуха
Моего золотого?!

Это какая-то мистика,
Чья-нибудь злая рука.
Нет ни зелёного листика,
Ни голубого цветка.
Но удивлённо и кротко,
Глазки разинув и рот,
Девочка – милая кроха –
Сказку во всём признаёт.
Видит острее и проще,
Как, не ища берегов,
Плавает дальняя роща
В синем просторе цветов.

Взгляд

В железной клетке зверь не страшен.
Детишки радостно галдят.
И рты разинули мамыши.
Не страшен зверь,
Но страшен взгляд
Внезапно ждущих
Жёлтых, волчьих
Гипнотизирующих глаз.
Они притягивают нас,
И невозможно превозмочь их.
...Но впрочем, хмыкнув, очень скоро
Ты наваждение смахнёшь.
К мартышкам отойти смекнёшь.
Вот тут веселье, тут умора.
...Ночь опустилась, словно штора:
За всё, в чём был ты виноват,
За все невидимые раны
Хлестнёт почти что нереальный
Тот леденящий, долгий взгляд...

Нить равновесия

Канатоходец – трудная профессия.
Обманчива та лёгкость, простота,
Когда послушно чувство равновесия
Чуть вздрагивает на концах шеста.
То солнце загрузит, то снова весело.
Потерь и обретений череда.
И в потрясениях мудрость равновесия,
Когда нас бьёт о землю высота.
Не упускай чуть видной этой нити.
Не разжимай рассеянно кулак
В водовороте чувств, забот, событий.
Есть равновесье! Сделай первый шаг!
Так будь же равновесием храним.
Леса и реки тянутся за ним.
Зверьё и птицы щедро платят дани.
Не спит природа. Каждый куст раним.
В пучке слепых и горьких колебаний.
Нить равновесья, тоненькая нить!
Но крепче связи не отыщешь с милой,
С берёзой в поле, с другом, с целым миром.
Одна навек. Ничем не заменить.

Приставки тяжесть придают словам.
А ну, прибавь-ка «раз» к «очарованью»?
По смыслу хуже, чем четвертованье.
А что там по размеру, по словам!
Приставки предлагают нам ценить
Свою, порой обманчивую малость.
И что б там ни болело, ни ломалось,
Ведь «говорить» не суть «приговорить».
Когда слова стремлениям сродни,
Тогда их невозможно обесславить.
Но если подлость к тем словам приставить,
Ложь приплести – и мёртвые они.
Начало слова... мысль уже видна.
Не дай вам совершить сейчас оплошность.
И тут нужна совсем не осторожность, –
Здесь честность непреклонная нужна.

Поэт рождён для крупной драки,
Фатальной драки на миру.
Враги, житейские овраги...
Он верх одержит поутру.
Поэт, он не меняет флаги.
Смеётся там, где всем смешно.
И плачет там, где мало плачут.
И хорошо, что слёз не прячет,
Когда другому всё равно.
И каждой малостью он жив.
Не мелочь: маленькое солнце,
Как снег идёт, как лист кружит,
Как свежесть льётся из колодца.
Он может быть звездой и рощей,
И счастьем может, и бедой,
Тревожно, точно ненарочно
Рассветным светом разлитой.
Поэт рождён для крупной драки
Среди людей, народов, вер,
Но – отчуждения барьер!
И вечный бой. Не на бумаге.

Художники – сильный народ.
Картины их пышут здоровьем.
Всё зримо. Аж зависть берёт.
А мы-то кричим, суесловим.
Как светится дно у реки,
Какие воздушные краски!
Слова же – как товарняки
В порожней, грохочущей тряске.
И, может быть, взяв наугад
Простую житейскую тему,
Художник, хитрющий собрат,
В иную проникнет систему.
Заглянет в надзвёздную тьму
Случайно оброненным взглядом.
Припишут потомки ему
Открытие первого ряда.
Как видим мы, чудо творя,
Как чувствуем вовсе не плоско
Пришельцев в мазке дикаря
И ядерный выплеск у Босха!

В лесу

Я здесь ходить подолгу мог
В прохладной зелени без цели.
Лесной пушистый ветерок
Колелет птичьи колыбели.
Как всё доверчиво вокруг
И всё таинственно немножко.
Припал к земле мохнатый сук.
Его со зверем спутать можно.
А промельк белки на сосну
В груди комочком шевельнётся –
Рвануться следом в вышину.
Глаза закрою. Полдень. Солнце.
Я снова здесь. А позади
Календарей сухие числа.
...Как будто бы не уходил,
Лишь на минуту отлучился.

Солнечное затмение

Темнеет, приумолкли птицы.
Бледнеет солнце. И во мне
Тревога тёплая таится
Чуть ощутима в глубине.
Да, мне не страшно, я учёный,
Но есть понятный интерес.
Смотри! В стекляшке закопчённой
Протуберанцевый венец.
Всё на мгновение оглохло.
Себя не слышат остряки.
Все, как в мартене, смотрят в стёкла
И просто так, из-под руки.
Видна торжественность в природе.
Самозабвения лишок.
Прямей и строже в огороде
Любой цветок и лопушок.
Готовы к счастью и несчастью
Петух, Фазан и конь Серко.
Я знаю, солнце не погаснет,
И мне, как облаку, легко.
Я верю, не погаснет солнце.
Так пусть затмение его
Людей и краем не коснётся.
Ни одного.

Перед грозой

Лишь пять минут перед грозой...
Беззвучно, пусто лопнул зной.
И сразу ветром передёрнут
День покачнулся, потемнел.
Пахнуло морем, свежим дёрном,
Всё стало чётким и подробным,
Воздушный вздох густел, как мел.
И я сказать себе успел:
Не пропусти минуты эти,
Когда в ладоши хлопнут дети,
Когда другая половина
Бежит понуро и повинно
Домой. И дёргает зонты.
Не упусти, не упусти
Минуты радостной тревоги,
Когда дома и лица строги,
Но через серость виден свет,
Как весть о том, что горя нет.
Шумы и мнущиеся тени.
И собранность. И расслабленье
Деревьев, чувств всего и вся,
Почти мгновенным озареньем
Горячим стёклышком пронзая...
Уже уходит...
Что навевает
Смятенье небо и души?
Вздохни светло перед грозой,
Пред неизбежной глубиной.
...И свой поступок соверши.

Мне улыбнулась девушка легко.
Мы не знакомы, смею вас уверить.
Тем более что в городе чужом
Старинном, на лубок похожем,
Где столько теремов,
Что мысль приходит:
Они сюда на вече собрались
Со всей страны.
А девичья улыбка
Совсем озолотила этот город
Поверх листвы, церковных куполов.
И замер я.
Вот это встреча!
Торжественность какая, величавость,
А я всего проездом, ненароком
На несколько часов.
И мне почёт!
С тех пор, бывая около вокзала,
Я людям незнакомым улыбаюсь.
Конечно, я не девушка,
Но всё же улыбка много значит для людей.
Для всех людей,
Не только для приезжих.

Трубопровод в шесть обхватов
Изгибается горбато.
На верхушке, на макушке
На манер резной игрушки
Из металла петушок
Приспособил паренёк.
Улыбнулись все друзья,
А прораб сказал: «Нельзя.
Поважнее есть детали.
Есть заданье, есть наряд.
И так дале».
Но не дали
Птицу снять. Стеной стоят.
Раз красиво – то не лишне.
Победила правота.
Есть металл в осенних листьях,
Побуревших, ржавых, лисьих,
Есть в металле теплота
Предосеннего куста.
Что парнишку потянуло?
Близкий запах деревень,
Древний голос, майский день?
Потянуло, как дохнуло
Молоко в ведёрке: дзень.
Петя, петя, петушок
Доброту и сказку будит.
Посветлеют, глядя, люди:
Золотится гребешок.

**Человеку, который хочет сойти
на случайной станции**

Был вечер душен и тягуч.
Деревья никли, опечалась.
Как проштампованный сургуч,
Надёжно сумерки сгущались.
Зажгли фонарь, и мотыльки
Нашли любимое занятие.
Разъезд. Гудки. Товарняки.
Вдали белеющее платье.
Когда ты в поезде, в пути
Летишь, заботами замотан,
Вот здесь и хочется сойти.
Как в песне. Здесь, за поворотом.
Когда ты смотришь из окна,
Дремота местная прелестна.
И жизнь, как в детстве, неизвестна.
Не ощущаешь духоты
И тьмы. Счастливая беспечность.
Так видишь только ты. И ты
Прав, как пугающая вечность.
Необъяснима благодать,
Когда догадкой – вдогонку:
Возможность заново начать
Лишь только спрыгнешь на щебёнку.

Грабарь

Картины снегом занесло.
Мороз. Малиновые пятна.
Ступеньки. Воздух. Ветви – складно.
До рези вольно и бело.
Густой, обильный, как туман
Нас обволакивает иней.
Шагнуть боишься. Ты в былине.
Замри. Непрошен и незван...
А это март. Голубизна.
Снег наполняет сладким смыслом.
Проходит баба с коромыслом,
Не зная, что она – весна.
Но снег не тает, льётся, длится.
Охалки инея – сирень.
Хрусталь и астры тронешь – дзень.
И скатерть пенится, искрится.

Я видел край дождя,
Хотя и густо лился.
До нас не доходя
Он вдруг остановился.
Незримая черта...
Протягиваю руку.
До локтя залита,
А чуть повыше – сухо.
Дождь нарастал, кипел.
Весь горизонт охвачен.
Но был его предел
До срока обозначен.
В попутный ветерок
Вплетался дождь наклонно
И всё ж не пересёк
Черты неизъяснённой.
Вода под стать огню.
В глазах темно от света.
...И грустно на краю
Раздолье видеть это.

Кота назвал я «гугенот».
О, это был чудесный кот!
Когда меня не понимали
Или я сам не понимал,
Я отыскал кота в подвале
Или меня он отыскал.
Кот плутовато-диковатый
Молочной пищи не терпел,
Зато капустные салаты
И рыбу жареную ел.
Ко мне он очень привязался,
Меня царапал он и грыз.
Я дрался с ним, я отвлекался,
Но мы немного отвлеклись.
Я б стал другим, когда б не он,
Он, создававший гром и звон,
Летавший так, что шерсть дымилась,
Плясали чашки на столе.
Жизнь заиграла, прояснилась,
Не стало тени на челе.
И разве можно мрачно, скучно
Глядеть на пыльные цветы,
Когда к тебе равнодушны,
Цветы, деревья и коты!
Когда бежишь, остановись!
К берёзе этой прислонись.

Первый мороз

Зеленее стали ели
И мгновенно поседели
Закуржавились мосты.
Стало больше высоты.
А осеннюю золу
Накануне ветром сдуло.
Подо льдом река вздохнула,
Как алмазом по стеклу.

Утро

Мост полустёрт туманом,
По нему
Пыхтит неторопливо паровозик,
Как будто осторожно штрих наносит
Художник, чтоб означить глубину.
Появится и скроется дубрава,
Заманивая, мягко гомоня.
Затеplen свет весёлого огня.
Перебегает, прячется лукаво.
Я вышел в путь.
Нелёгкая дорога.
Хотел бы эту свежесть пронести,
Как мы несём у сердца горсть земли.
Единственной – от отчего порога.

Мысль

Ты встанешь рано.
В зеркальце оконное
Посмотришь – и
Она, нежданная, окольная,
Войдёт в глаза твои.
И станет записью в тетради,
Ключом к рассеянным словам.
Не обнадёжит, не уладит,
Но всё расставит по местам.
По-детски часто задрожат ресницы
И сладкий, тёплый трепет в голове,
Как будто пошевеливает птица
Крылом в траве.

Рот фронт

Рот фронт. Сам разворот руки
Не угождал сквозь боль и ярость.
И мне казалось, что срывались
И били в небо кулаки.
Так – от виска и до небес
Рабочих воля непреклонна.
Мы, как детей, несем знамёна,
Не как штыки, наперевес.
И мы, идя за горизонт,
Не горе прячем и проклятье.
Чтоб влить ладонь в рукопожатье.
Жест наших правнуков. Рот фронт.

Аккуратный мужчина,
Весь – жиры и белки,
Расставляет сигнально
Крестовые флажки.
Век шестой и двадцатый,
Золотой и дурной.
Ржавый ветер их треплет
Раздражённой рукой.
Нет ни цвета, ни запаха,
Ни Востока, ни Запада.
Только чёрные запахи
На укрючных ветвях.
...Всё расставил, как надо.
Что ни крестик – то век.
Кто такой и откуда?
Чур меня, человек.

Лёгко ты, с собой не ссорясь
Годы крутишь, как кино.
Есть бессонница и совесть.
Есть таблетки и вино.
Чьё-то сердце охладело
К завоёванным чинам,
Кто-то сник и предал дело...
Ну, а ты не начинал.
Пусть другой в степях холодных
Хляби месит без конца.
На твоих подошвах модных
Тротуарная пыльца.
И живёшь ты вроде сладко,
Что ж вздыхаешь тяжело?
Совесть – роба, плащ-палатка,
С ней и в дождь и в ночь тепло.

Я счастлив, но что за остуда
Прошла от руки до виска?
Откуда, скажи мне, откуда
Берётся такая тоска?!
Ребёнок без груза былого,
Весь в играх своих озорных –
Замкнулся. Не скажет ни слова.
С чего он задумчив и тих?
Наверно, стальная порука
Связала живущих и тех,
Умерших, погибших до срока,
Отрезавших песни и смех.
Духовные связи не тронешь,
Не вычислишь наших корней.
Душа – незабудка, зверёныш.
Одно только небо над ней.
Холодное небо без края
И сжатая жадная жизнь,
Где радость и скорбь мировая
На маленьком сердце сошлись.

Войну, гражданскую войну,
Могу представить лишь зимою.
Враждующую тишину –
Сквозь завихренья снеговое.
В окошко кто-то постучал...
И – в сёдла. И метель намётом.
И блеск холодный от плеча,
И зябкий постук пулемёта.
Ложатся беглые огни
Чумными пятнами на лица.
Кровавый след от пятерни
Течёт по снегу и дымится.
Не ночь, не день. Ни встать, ни лечь.
Но пальцы рвут за ворот сами.
И, как немтырь, клокочет речь
Кривыми, горькими губами.

Молчи, дурак! Схватите дурака!

А. Пушкин, «Борис Годунов»

Что правдолюбцы не умны,
Не знает разве что незрячий.
Но даже память Колымы
Их не заставит петь иначе,
Стоящих посреди зимы
И видящих сквозь мрак собачий
Не камни – золотые сны.
Вот кто воистину блажен,
Кого нельзя стереть, унижить,
Обогатить, к верхам приблизить.
И что за правду дать взамен,
Когда она дороже жизни?!

Пусть даже мать даёт им знак:
Молчи, дурак, молчи, дурак...

Так наши помыслы ревнивы,
Что негде вбить сомненья клин...
Не докричаться до равнины,
Где каждый воин и один.
Неразличимы блажь и благо.
Но не идти же щит на щит!
Пусть неотступная отвага
Нас разведя – соединит.
Столкнулись, но не разминулись.
Не столковались, но нашлись.
И над равниною взметнулись,
И над пустыней поднялись.

Стихия рушит не жалея
И убивает не щадя.
Проходит странница Галлея,
Приходят беды погоды.
И там за мрачной чередою
В неосторожности слепа
Шлейф не оставит за собою
Простая, малая судьба.
Она сочувствия не спросит,
Не потревожит сотни глаз.
С осенним мусором уносит
Её от нас.
Но в той одушевлённой роще,
Среди ветвей,
Одной морщинкой станет больше,
И тяжелей...

Телеграфный лес

Ю. Кандыбе

Болида тело огневое
Прожгло седые облака.
Деревья падали волною,
Как доминушки от щелчка.
А этим вроде повезло –
Обдало вспышкой напоследок,
Лишь ветки срезало, снесло.
И с той поры они без веток.
Десятилетия прошли,
Стволы литые не согнули.
А ветки – нет, не выросли,
Тот давний страх не обманули.
Отдельный телеграфный лес,
В нём зверь не водится и птица.
Незаживающий порез
Под синим небом, небылица.
Когда притронется ладонь
К обугленной коре, жалея,
Она почувствует огонь,
Дух безысходный суховея.
Без веток, словно без детей,
Стоят в насильственной гордыне,
В полубезумной правоте
Не веря в смерть свою поныне.

Кричит не только боль...
И зависть
кричит.
Тщеславье – как обвал!..
Мерцали плаха... пьедестал...
Сверкнуло сверху:
– Кто кричал?
Чей звук до неба долетал,
Меня тревожа?..
Не сознались.

Как наивно желание света
Одолеть неизбежную тьму!
Для чего самозванство поэта?
Чтобы только *назвать* самому?
Назовёт ли? Ристалище духа
Душит запахом крови и слёз.
И не слышен для тонкого слуха
Тяжкий скрежет обозных колёс.

В дымящемся течении реки
Ещё не шелохнулся луч рассветный.
И звуки первобытны и тихи,
И контуры Земли инопланетны.
Когда б не котелок над костерком
И клочок палатки, выхваченный светом,
Я мог бы догадаться о другом...
Но ниточкой зацеплен я на этом.

Пробежал электрический иней
И ресницы твои опушил.
Я тебя не узнал, я спешил,
Не расслышал летящее имя,
И на стук свою дверь не открыл.
Для друг друга мы словно не жили.
Возникали из фильмов, из книг.
Мир для нас был и вправду велик.
В толчее не прижало впритык,
До горячих, слепых сухожилий...

В сказку о гадком, о чудном утёнке
Девушки верят скорей, чем девчонки.
Женщины умные плачут над ней...
Нет этой сказки добрее и злей.

Мысль

В расширяющейся минуте,
Годы пробуя на разрыв,
В напряжённой, тяжёлой смуте
Вспыхнет, всё вокруг погасив...
И покажется – будто длится
Тёплым трепетом в голове...
Так крылом осторожная птица
Пошевеливает в траве.

Я разлуки копил, говорил невпопад,
Был я утренней мудростью поздно богат.
Если что-то сумел – обернуться на взгляд.
Если что-то смогу – обернуться на взгляд.
Ветер буйный, он двери срывает с петель.
Утром тихо, и снег лишь набух, сыроват.
Что кричал, что шептал – утащила метель.
Не отыщешь следов, чтоб вернуться назад.
За неплотной обёрткой и лето, и сад.
Там заждались меня, там я милый и брат.
Невозможно вернуть чудо-счастье назад.
Только так – обернуться на взгляд...

Капитан

Счастье – кольцо золотое в золе.
Не набродиться по далям несметным...
Нет нам прощенья на этой Земле,
Гордым и смертным.
Если ты тайну земную постиг,
Что ж ты не весел на зябком просторе?
Море добрее. Море простит.
Выпьем за море.

Поэта сумеречный глас...
Он погибал. Но гений спас.
Сработала машина.
Не выскочит пружина.
Холодный лоб его высок,
Взгляд беззащитен и жесток,
На пальце безымянном
Есть перстень деревянный.
Завоет ветер, мышь шмыгнёт,
Змея в кольцо сожмётся.
И филин старчески моргнёт.
И великан проснётся.

Мы не видим пророческих снов,
Но возник Кузнецов,
Как предвестник суда и распада...
Что увидели мы, кроме слов?
Только то, что нам надо.
Лингвистически очень сильна
И богата по смыслу страна.
Но язык нас уводит далече.
Обернулся – не видно родных,
Обернулся – не видно живых,
Обернулся – дышать уже нечем.

Нет ни страха, ни холода...

В.Петраш

И всё нам кажется – мужаем,
А мы круги свои сужаем.
Нет силы вырваться за круг.
Да кто там, недруг иль недруг,
Не торжествуй, что грудь расколота...
При нестерпимом свете дня
В душе ни страха нет, ни холода,
Когда помчит, гремя, звеня,
Без поворота и без ворота
Обледенелая лыжня.

Памяти поэта Игоря Киселева

Перед мраком Вселенной немея,
Но не пряча взыскующий взгляд,
С недопетой судьбою своею
Неразрывные люди стоят.
Срок – всему. Станешь гордою птицей.
Где жильё – там гнездо, где жильё...
Как не хочет со смертью мириться
Бесконечное сердце твоё!

Когда под ветром пляшут тени,
А он ревёт и рвёт их пляс,
Я вижу белые ступени,
А дальше пляж, а может, плац.
Там, как застывшие гримасы,
Обломки статуй и кирасы,
Хоругви, каски и штыки.
Там боль и слава поколений.
И пляшут тени, пляшут тени,
И ветер рвёт их на куски!

Метель

Ветер сбивал, валил.
Сколько в нём было сил.
Сколько в нём было зол!
Я против ветра шёл.
И не видал ни зги.
И не видал огня.
Ветер шёл на меня,
Словно мы с ним враги,
Словно мы с ним родня.
Вот мы и обнялись.
Так, что кости трещат!
Голову клонит вниз,
Относит шаги назад.
Во поле снег столбом,
Где он, к спасенью путь,
Где он, зелёный дом,
Чтобы забыть, уснуть?!
Где оно, что-нибудь?
Сколько ж идти наугад,
Сколько таранить стен,
Видя, как юный сад
Выдохся и опустел?!
Душу овчаркой пустить –
Взять человеческий след.
Вот уж глаза пусты,
Вот ничего уж нет.

Видишь – надменная высь,
Как в снеговой грязи
Кружит воронкою лист,
Он – человек – вблизи.
Стянет суставы лёд,
Скрутит, как лебеду.
...Солнце меня найдёт,
Если не упаду.

Круг

В. Бокину

Нечаянной грусти трепещущий лист
Под ветром ненастным, осенним.
За птицами следом леса собрались...
Куда нам лететь за спасеньем?
Нам надо учиться у гордой сосны,
Что падает твёрдою тенью
На наши туманные, ломкие сны
И нас пробуждает к спасенью.
Ничейные дети печальных отцов,
С нечётким движением к свету...
Цепляясь за них – выпускаем птенцов,
Стараясь направить по следу.
Но меркнут следы на земле и воде,
Читают их дурень и гений.
И вытянут в струнку летящий к звезде
Рольгангом земных притяжений.
Пугает не участь, а знание пути,
Предчувствие гроз и обвалов.
Но сердце не может гореть взаперти
И вырвется – против металла.
Противница долгих и тихих услад,
Покроется к сроку рубцами...
Не надо стеречься и стариться, брат,
В полёт мы рванулись сами.
И листья резные, седые – взгляни –
Калёные, жёлтые – в круге.
Как нежно на землю ложатся они,
Сливаясь в священном испуге.

И вспомнил я про сад камней,
Когда с заботою своей
Смотрел на каменную груду.
Не камень, кажется, а знак.
Все мысли собраны в кулак.
Обдуман мною каждый шаг
На этом месте. За минуту.
Камней угрюмые бока
Рукою гладил я несмело.
Мысль бунтовала, мысль хотела
Отсюда прямо – и в века.
Угрюмый пасынок светил,
Зачем ты мой покой смутил
Мечтой обманчивой и душной,
Зачем, недвижимый и ненужный,
Ты краски летние сгустил?
Зачем ты укрупнил черты
Травинки, деревья и слова?
И я как будто из былого.
Другой. А может, это ты,
Или отец, или пришелец?
Один среди камней, один,
Живущий тайно, нелюдим.
Кому понятен звёздный шелест.
И услышал, как в полусне, –
Ищи в себе, ищи в себе.

Тайна

Он скрытным был. Он не общался
Ни с тем, ни с этим, да ни с кем.
Домой он поздно возвращался.
А может, и не жил совсем
Он в нашем доме. Неизвестно,
Был молод он, а может, сед.
Идёт, а рядом с ним невеста,
А если дочка? Слышь, сосед!..
Но он не слышал и не видел,
Лишь улыбался иногда.
Не оскорбил и не обидел.
Исчез однажды без следа.
И вещи вроде не грузили,
А вот, поди ж ты, взял – исчез.
Пенсионерки погрустили
И потеряли интерес.
Не знаем мы, что в нём скрывалось:
Добро, обида или зло.
И что скрывалось – в нём осталось.
Не объяснилось, с ним ушло.

Нам не уйти от линии прямой,
И это совершенство, боже мой?
И в этом идеал, о боже правый?
Зачем зигзагом водит нас лукавый?
И бьёт о стены горькой головой.
В глазах круги, растрёпан гребень славы.
Не знаем, доберёмся ли домой.
Как Одиссей своих врагов рассея,
Блуждал между коварных островов...
И ты, мой друг, похож на Одиссея,
Запутался среди юбок и столов.
Но некто, эскалатор подавая
Иль скатертью дорожку расстеля,
Шепнёт брезгливо: вот твоя прямая.
Хотя она, возможно, не твоя.
Законченность – с гармонией родство,
И утолённость – торжество таланта.
А где же молодое воровство,
Когда же золотая контрабанда?
...Кривая нас вывозит, но конвой
Уже готов вести нас по прямой.

Ещё прочны рассудка башни,
Хитры сторожевые псы.
Но мы несолоно хлебавши,
Всё ставим зелье на весы.
И знаем – нет весомей зелья,
Нет этой страсти тяжелей,
В которой злоба и веселье,
И пропасть чёрная за ней.
И кто б бороться не пытался,
Но сладок, хоть и горек миг.
Здесь ангел с чёртом побратался
И смерть скрепила дружбу их.

В условиях самоареста,
Когда ни времени, ни места
И потолок над головой
Исходит мукой горловой,
Услышать звук потусторонний...
И обратился бы к иконе,
Да только нету таковой.
...А только молот паровой.

Они живут, не дую в ус,
Те, что однажды похоронят
Меня, и землю заборонят.
Вот их я, как чертей, боюсь.
Мне кажется, они давно
Довольно руки потирают
И день, и место выбирают...
Такое право им дано.
Ведь похоронят же, куда
От них уйдёшь? Везде достанут.
Гроб закопают и помянут.
...И глина, ржавая вода.
И что обиднее всего,
При этом я не пикну даже
Никто им, грешникам, не скажет
– Спасибо, мол, и... ничего.

Пусть всё происходит сейчас,
До края наполнится чаша,
Что всё же не минула нас,
Страшна и прекрасна. И наша!
Я должен не видеть причин,
Не знать своих прошлых ошибок.
Пусть музыка тайно звучит
За грустное наше спасибо.
Пусть будет не заперта дверь –
Там кто-то пришёл или вышел?
И счастье, и горе – теперь
Я должен и видеть, и слышать.
До косточки. Так же, как сад,
На вздохе крениющийся набок,
Всю тяжесть и весь аромат
Будящих, пылающих яблок.
Пускай ненадолго, на час,
Вершинные ветры, овейте!
Ведь если не будет сейчас,
То завтра не будет, вовеки.

Смещённый центр

1

Я выросал на городских дворах
Среди пейзажей скучных, рукотворных.
Но мне светило солнце, как росточку.
И я к нему тянулся, не хирел.
Как человек я думать научился.
И думаю... Хоть больше не расту.
Мне грустно, больше нет порывов к росту.
Мне горько, больше нет порывов к свету...
И близится предел. Хоть он далече,
Но странно близок. Господи, прости.
Пора кроить итоги, изумляясь
Что мало, бестолково и не так.
А впрочем, то, что мы зовём судьбою,
На самом деле мелкая игра.
Учения, работы, встречи, свадьбы,
А там и мирный отдых, счастья крохи
И после так и прёт непониманье,
Развод, самообман, тупые склоки,
Предательство и прочее. Довольно.
Но иногда – действительно судьба!
И даже не судьба, а грозный фатум.
Вы вспомните... Погиб во цвете лет.
Убийцу не нашли. Через полгода
Его жену автомашиной сбило.

...О детях. Лучше нет, не вспоминать.
Как будто пуля, что слегка задела,
Взбесившись, в тело начала вгрызаться.
Всего-то искромсала бедолагу.
Не обошла и всех его родных.
Один лишь выстрел. Да и тот случайный.
Вот как над нами существует рок.
И ты, мой друг, нормальный обыватель,
Трясёшься и ликуешь – не тебя.
А между тем страна, где грянул выстрел,
Подчинена законам человеческим,
В неё, в страну, равно как в человека,
Та пуля может запросто попасть.

2

Я больше не расту. Остановился.
Мне страшно мысль додумать до конца
И чувству подчиниться без оглядки.
Я слов искать для выраженья боли,
Для отраженья горя – не хочу.
Когда-то мне казалось, что я стану
Хорошим и достойным человеком
И людям помогу...
Но я не смог.
А то, что зверем я не стал, – мала заслуга.
И та заслуга вовсе не моя.

Медвежий угол

Поэма

1

Звенит, умытая дождём,
Сверхскоростная автотрасса.
Здесь места нету для Пегаса.
Сидит победно за рулём
Здесь человеческая раса.
Живое всё – и мысль, и мясо,
Куда летят, к чему стремятся?
За колею, за окоём?
Свистит оранжевым пятном
Машины расписная масса.
Нам нужен праздник, карнавал,
Чтоб непрерывное круженье,
Кругом друзья и слов навал.
И гроыхающее пенье,
Как будто уши оторвал
Рок-музыкант в тоске забвенья.
Не остановится мгновенье,
Но паузы, но интервал
Приоткрывают назначенье
Души. Но свет ничтожно мал,
А тьмы привольное теченье
Несёт далёко – за Ямал...

2

Когда один и тот же сон
Начнёт бесщётно повторяться,
Не надо этого пугаться...
Задумайся: к чему бы он?
Мне снилось – глухота тайги,
Снега горбатые и звёзды
Близки и жгучи, воздух острый
И толи вздохи, толь шаги
Подбитой мехом зверя лыжи...
Их трое, с ружьями, в дыму.
Но всё отчётливей я вижу
Их лиц расклад, по одному.
Глаза, они не спрячут тьму.
Я просыпаюсь... Ненавижу.
Я знаю, что потом случится,
Когда разбуженный медведь
Рванётся, а навстречу – смерть
С шести стволов... И кровь сочится.
...Устал я страшный сон смотреть.
Уж лучше водкою опиться
И до утра остекленеть.
Но эта тягостная бредь
В реальной жизни повторится.

3

В свои квартиры, как в берлоги
Мы все вползаем, торопясь
Прервать с трамвайным миром связь,
И ощущаем на пороге

То запах знойного борща,
То привкус близкого скандала.
Семья отлична от вокзала,
Хоть скуки, розни в ней немало,
Но всё, что будет, – сообща.
А вбей в ядро раздора клин
И зашипит распада уголь,
И крепкий твой медвежий угол
Развалится. И ты один.
И вот уж на тебя охота.
Они идут со всех сторон,
Враги. И логика расчёта
Надежды слабой не даёт.
Людей ли стая, мгла ворон?
Такого злого разворота
Не ожидал ты, преклонён?
Увы, удача отвернулась,
Шальной фортуны колесо
На ровном месте подвернулось,
И дней повозку понесло.
Ты вспомнишь мать, и сад, и юность,
Своё счастливое число.
В ладони погрузишь лицо.
...Но жизнь сильна.

Она очнулась.
Мы слабаки, но жизнь сильнее
Любых провалов и невзгод.
И ты могучим станешь с нею,
Когда она не спит, идёт.

Идут часы, стучат секунды
И врут пророческие сны.
Воображенье чёрта скудно,
Двустволки злости не страшны.
Душа не может стать другою,
Ожесточиться или пасть.
Над очарованной тайгою
Горячих звёзд земная власть.
В метели затаён глубоко,
Медвежий угол мирно спит,
Затерян след к нему, закрыт
Десницей Бога.

Рикошет

«Человек всегда
поступает хорошо»

(Платон)

Галапагосы... Пальмы... Океан.
Сквозь нежный зной и сквозь цветной туман
Ступаю по земле с чужою дрожью...
Отрезаны судьба и бездорожье,
И сон осин, и бытности дурман.
Мы будем живы сказочною ложью,
Раз правды нет, пусть будет хоть обман.
...Я занят, не сейчас, зайдите позже.
Полёт души и сорванный стоп-кран.
Охрип будильник, пьяненький художник
Подносит мне исполненный стакан.
...Мне двадцать лет. Башка моя темна.
В ней, копошась, свистя, перемешались
Надежды, обещанья, имена.
И всё ж она творит самоанализ,
От тусклой суеты отдалена.
Очнулся, а друзья уж нализались.
Перемахну в другие времена...
Эй, стоп, твоя рука пригвождена
И на столе белеет смятой картой.
Идёт, бодрится год семидесятый,
И жизнь прекрасна, вовсе не страшна.
Любовь, очарование, весна.
Потом всё это назовём когда-то.
В котором вызревала белена.

...Рубильник до упора, на себя!
Темно. Но и в твоей душе не светит.
Однажды мы расстались на рассвете
И разошлись, друг другу не грубя.
Ещё не раз мы встретимся и встретим...
Лицо другое, но твоих отметин
Полно в других. И колет чешуя.
Сработал рычажок. Картина третья.
Мы между дел, задумок, клятв и фраз.
А между ними ветер, ветер, ветер!
Он и сегодня холодит, сейчас.
И руки не даёт соединить,
Обнять за плечи, оттолкнуть, отринуть.
По ветру встал, а он ударит в спину.
А против ветра – целит между глаз.
Куда бежишь, приятель, к магазину?
По поводу вина или колбас?
Он в бороде увяз, как Карабас,
И дёргает за ниточку Мальвину,
Свою жену. И Бог его не спас.
...Но выключатель щёлкнул. Темнота.
Ещё раз щёлкнул. И опять осечка.
Перегорела лампочка... И свечка...
По стенам блики... хищный взгляд кота.
Сверкнуло что-то дьявольское, впрочем,
Засни, засни, не надо спорить с ночью.
Всё будет проще утром...
И плита, не кухонная, нет,
Уж вы простите, читатель мой,
Коль ищите в стихах...

В них быта нет,
А только бред событий,
Любовь и страх.
Запрет боится нарушений,
А нарушение – запрета.
И осень летом разогрета,
Всё не погаснет к ноябрю.
Ищу, но только не сюжета.
Сюжеты есть, но больно это,
Я просто на людей смотрю.
Жизнь током бродит по спирали.
Хоть мы её не выбирали.
Но прикоснёшься – током бьёт.
И горный перевал в Цхинвали,
Баку и Вильнюс... Божьи дали.
По ним, в разумном интервале,
Умы и души метит чёрт.
Знамёна, крестные знаменья.
Нет силы в них – когда затмение,
Когда в сознании – провал,
И тот становится героем,
Кто убивал, кто воровал.
Кому, кому мы яму роём?
Себе... Известный ритуал.
Уже взошла идея денег,
Преломлено, как у Дали.
И золотой прекрасен берег,
Особенно, когда вдали.
Галапагосы... ноги босы.
Погосты... вечные погосты.

В краю берёз, среди могил
Мы поминаем, поминаем,
И слёзы льём, и водку льём.
И думаем, что понимаем.
Всё ходим около, да краем...
Когда ж поймём?
...Я на людей смотрю в печали,
И различаю судьбы их,
Котомки вижу за плечами
Дней окосневших прожитых.
Увы, мы с юности горбаты.
И ты, дружок, как не пляши,
Мозольный след земной лопаты
Уже касается души.
И греет солнышко лучами,
Но тяжек солнца маховик.
Я на людей смотрю с печалью,
Как будто не жил среди них.
Как будто не одна забота
К земле нас гнула и гнала.
И отражённого полёта
Везде кривые зеркала!
Мечтай, коль совесть неподсудна,
Живи, раз руки – не в крови!
От имитации поступков
До симуляции любви.
...Стучат песочные часы,
Как будто адская машина.
Во имя – стук. Во имя – Сына.
Во имя – стук – в слезах росы,

Средь среднерусской полосы
Земля очнулася, едина.
Стучат о воздух кулаки.
И это сердца, сердца стуки.
Не избежать большой разлуки.
Уйдём – в деревья, в землю, в сны.
...Недобро помянут сыны
И с жадностью вспоманут внуки.

Облако

Облако белое,
Облако красное,
Облако горькое...
Облако.
Слово было в начале,
Одновременно мысль и слово.
И было слово.
А затем перед словом молчали,
Выбирая помягче, покруче...
А потом перед словом молчали,
Выбирая меж правдой и ложью.
Так зачем мы клянём бездорожье
И кричим на свинцовые тучи?
Облако белое,
Облако красное,
Облако горькое...
Облако.
Входящий в храм
Главу несёт повинно
И ожидает участи покорно.
А на него глядят святые лики
То грозно, то прощающе, то нежно.
Входящий в храм и жалкий, и великий
И перед ним одним зияет бездна.
Как отрешённо речь звучит с амвона,
Как ласточки, скользят под купол звуки

И там, вверху, сливаются до звона.
Какое нынче время? Время оно.
Когда любовь, добро приносят муки,
А зло выходит ангелом из лона.
Облако белое,
Облако красное,
Облако горькое...
Облако.
Входящий в бой
Своё не помнит имя,
И слова он не знает и не слышит.
Он погибает, жалкий, меж другими.
Он побеждает, он велик, он дышит.
Входящий в бой –
Из боя не выходит.
Входящий в храм –
Его не покидает.
Так почему на сумрачной дороге
Они вовек друг друга не минуют?!
Они всего лишь люди, а не боги.
Они всего лишь боги, а не люди.
Колючий ливень, жёсткий дождь Иудин
Их с головы до пяток зацелует.
Облако белое,
Облако красное,
Облако горькое...
Облако.
Мир расколосся пополам,
Мир – хижинам, война – дворцам.
Война буржуйам и богам,

Пусть пламя бьёт высоко!
Огонь да путь осветит нам.
Мир раскололся пополам.
На тысячи осколков.
Наверно там, на небесах,
Сердца качались на весах.
Иконы с пулями в глазах,
Церквушки – погорельцы.
Под храмы клали динамит.
Но если камень устоит,
То пошатнётся сердце.
Ворвалась вера на штыках –
– За вековой покорный страх,
За фимиам и ладан,
За мракобесия дурман
Приказом и прикладом!
Страна пожаром залита...
Мешалось и смещалось
И Блок, увидевший Христа,
И Бог, увидевший хлыста,
И люд, увидевший за Ста...
Но слово оборвалось.
Облако белое,
Облако красное,
Облако горькое...
Облако.
Я, внук священника, не лгал,
Когда я Бога отвергал,
Захваченный всеобщей битвой...
Но жизнь моя была молитвой.

Я нищих в губы целовал.
...И сам был нищ,
И сам был слаб,
Когда с канавы на ухаб
Меня тянуло и кидало.
И выжил я лишь потому,
Что, развевая мрак и тьму,
Мне слово – слово подавало.
Сейчас есть свет,
Но веры нет.
Лишь чувства говорят исповедально
Без линзы, без туманного стекла:
История тосклива и печальна,
Действительность бодрa и весела.
Любая вера, вера – идеальна.
А в практике – обычные дела.
Газетных есть достаточно примеров.
Огонь и пепел, ветер и зола.
Какая нас ещё поднимет вера?!
Душа б жила, не скурвилась, жила...
Не для того наш паровоз
На смерть бросал худых и босых,
Чтоб через век великоросс
Копался в залповых отбросах.
Не для того, не для того
Россия мучилась, казнилась,
Чтоб чистоту поела гнилость,
Над нищим торжище глумилось
И зло справляло торжество.

Доверье... Тоненький росток.
Как близко – ненависть, восторг.
Как близко – Запад и Восток,
Закат так близко – и восход.
И человек – всему исход,
Как учат нас поверья.
Доверье... тоненький росток.
Воды и солнца – пусть растёт.
И губы шепчут наперёд
Доверие, доверье...
Облако белое,
Облако красное,
Облако горькое...
Облако.

Оглавление

От составителя.....	4
«Каких событий отголоски...»	6
«Дышать и видеть через трубочки дорог...».....	7
Монолог лётчика, бомбившего Хиросиму	7
«Мне восемнадцать. Лёгкий пыл...».....	8
Утренние птицы	9
«Совершеннолетний дождик!..»	10
«И листьев печальная прелесть...»	11
Вечер	12
«Звонит извиненье, как первый ледок...».....	13
«Я услышал тихий звук...»	13
«О счастье можно толковать...».....	14
Песенка для гостей.....	15
Наоборот	16
Смешной	17
«Это какая-то мистика...».....	18
Взгляд.....	19
Нить равновесия.....	20
«Приставки тяжесть придают словам...»	21
«Поэт рождён для крупной драки...».....	22
«Художники – сильный народ...»	23
В лесу	24
Солнечное затмение.....	25
Перед грозой.....	26
«Мне улыбнулась девушка легко...»	27
«Есть и у времени тоже душа...»	28
«Трубопровод в шесть обхватов...».....	29
Человеку, который хочет сойти на случайной станции	30
Грабарь.....	31
На юбилей трамвая	32
«Я видел край дождя...».....	33
«Кота назвал я «гугенот»...».....	34
Первый мороз	35
Утро	35
Мысль.....	36
Рот фронт	36

«Аккуратный мужчина...»	37
«Лёгок ты, с собой не ссорясь...»	38
«Я счастлив, но что за остуда...»	39
«Войну, гражданскую войну...»	40
«Что правдолюбцы не умны...»	41
«Так наши помыслы ревнивы...»	42
«Стихия рушит не жалея...»	43
Телеграфный лес	44
«Кричит не только боль...»	45
«Как наивно желание света...»	45
«В дымящемся течении реки...»	46
«Пробежал электрический иней...»	46
«В сказку о гадком, о чудном утёнке...»	47
Мысль	47
«Я разлуки копил, говорил невпопад...»	48
Капитан	49
«Поэта сумеречный глас...»	49
«Мы не видим пророческих снов...»	50
«И всё нам кажется – мужаем...»	50
«Перед мраком Вселенной немея...»	51
«Когда под ветром пляшут тени...»	51
Метель	52
Круг	54
«И вспомнил я про сад камней...»	55
«Зачем ты в зеркало глядишь...»	56
Миг	57
Тайна	58
«Нам не уйти от линии прямой...»	59
«Ещё прочны рассудка башни...»	60
«В условиях самоареста...»	60
«Они живут, не дуга в ус...»	61
«Пусть всё происходит сейчас...»	62
Смещённый центр	63
Медвежий угол	65
Рикошет	69
Облако	74